

Алтайские зарисовки

Если и есть в России благословенные места, то одно из них, несомненно, — Алтай. Предложение поехать туда в фольклорно-этнографическую экспедицию вместе с учащимися Лицея на Донской и Дома научно-технического творчества молодёжи я принял без рассуждений. И не только потому, что никогда не был на Алтае, не потому, что слышан о красотах этого края, о хорошей сохранности фольклорных и обрядовых традиций коренных алтайцев и русского старожильческого населения. Нет. Просто всегда было в этом слове — Алтай — для меня что-то родное и зовущее.

И вот — через четыре часа полёта из Москвы в Барнаул, через шесть часов поездки в поезде до Бийска, где состоялось первое знакомство с большинством моих будущих коллег, и двенадцать часов езды до Улагана в забитом до отказа школьниками и вещами автобусе — я в Горном Алтае.

Совместная работа со школьниками представлялась мне сначала вроде студенческой экспедиции, которые я проводил неоднократно. Но всё оказалось немного другим. Что меня беспокоило в первую очередь, так это то, насколько школьники заинтересованы в фольклорно-этнографической работе. Ведь без искреннего интереса к людям, живущим в глухих уголках России совсем не так, как мы, а тем более являющимся представителями другой этнической культуры, об успехе экспедиции можно и не мечтать. Скажу сразу: юные этнографы Лицея на Донской меня порадовали. Их готовность окунуться в незнакомый для себя мир проявилась в первые же дни работы. Здесь нам повезло — в Улагане, районном центре Горно-Алтайской республики, в те дни, когда мы приехали, проводился *курултай* (фестиваль) *кайчистов*. Из нескольких деревень района на него собрались молодые ребята, владеющие искусством горлового пения — *каем*. Были среди них и начинающие исполнители, и уже признанные мастера, такие, как А. Калкин, племянник ушедшего из жизни великого сказителя Алексея Калкина. После концерта-соревнования наши ребята провели интервьюирование участников *курултая*, которые затем, видя огромную заинтересованность, устроили для нас незапланированный концерт, своеобразный сэйшн, который мог бы продолжаться долго, если бы «не устал караул» — работники Дома культуры, где это всё происходило. Горловое пение сопровождало нас повсюду. Мы его слышали

Организационная подготовка включает следующие направления: сбор документов для оформления участников экспедиции по приказу, заказ и покупка железнодорожных билетов, заказ машины для груза к поезду; заказ автобусов на Алтае (этим занимались люди из группы обеспечения экспедиции); составление списка продуктов и их покупка (под руководством выбранного в группе «завпита»); составление списка и покупка необходимых хозяйственных вещей (под руководством выбранного в группе «завхоза»); сбор аптечки с учётом особенностей здоровья всех членов группы (делает участник группы, имеющий медицинскую квалификацию); подготовка необходимого для научной программы оборудования, закупка расходных материалов (руководитель группы); подготовка необходимого для общего досуга, творческих занятий (ответственный за досуг).

Период активных сборов длится около недели до выезда. Очень важно, чтобы в этот процесс были включены все участники группы. Именно во время сборов члены группы начинают осознавать, что каждый в какой-то мере несёт ответственность за общий успех. Участники группы распределяются по направлениям подготовки. Сборы в конечном счёте оказываются не в тягость, а в радость. Если кто-то прежде не был знаком друг с другом, то за неделю активных сборов все успевают подружиться. По ходу дела участники достаточно самопроизвольно распределяются по ответственностям — кому что ближе и понятнее, за что сам желает отвечать в рамках организационно-хозяйственных дел. В период подготовки очень важно создать дружескую и творческую атмосферу, но при этом нужно, чтобы ответственность, инициативность и взаимопомощь стали главенствующими. Общественные вещи подготовить к отправлению лучше всего дня за два до отъезда, чтобы оставить участникам экспедиции время на сбор личных вещей.

Отъезд

В конце концов всё собрано, упаковано, вещи доставлены на вокзал. Поезд, как обычно, подают с опозданием, а нужный вагон — самый дальний от начала платформы. Хорошо, что родителей много. Тут важно всё грамотно организовать и отследить, чтобы ничего не забыли. Посадка в вагон всегда суетна. Вещи забрасываются хаотически. Только успели всё загрузить, войти в вагон — поезд трогается. Всё! Начинается особая жизнь под названием «экспедиция» и её немаловажная часть — «дорога».

Дорога туда

В поездке на Алтай дорога — это совсем не маленькая часть экспедиции, а самостоятельное длительное действие. Длинная дорога на поезде с подростками отличается двумя особенностями: прогулками во время остановок, на которых кто-то может отстать от поезда; и тем, что подросткам необходимо постоянно чем-то активно зани-

и на стоянке в Мандилу (между прочим, в исполнении начальника районного отделения милиции В. Сандяева), в деревне Паспорта, куда я доехал вместе с гастролировавшей здесь труппой Горно-Алтайского драматического театра, в Язуле — главной точке работы нашей экспедиции. Было видно, насколько московских школьников поразила *кай*. То, что им удалось оказаться свидетелями живого бытования этого древнего искусства алтайцев, а тем более сделать фотографии, аудио- и видеозаписи его носителей, — один из важных итогов экспедиции.

После Улагана была Язула. Чтобы добраться до этой отдалённой деревни, пришлось ехать 10 часов через хребты и перевалы по дороге, которая фактически была открыта только пять лет назад. Язула встретила нас дождём, сумерками, редкими огоньками, звуком работающего дизеля и отсутствием начальства, которое смогло бы сразу разместить почти два десятка человек — детей и взрослых. Уже к двенадцати нам открыли школу, где мы, кое-как кинув спальные мешки, встретили первую ночь.

Есть особые правила поведения в фольклорно-этнографических экспедициях, совершаемых по Сибири, — необходимо уважать священные места и веру народа, на земли которых ты приехал. Ещё в Улагане мы получили наставление о том, что, проезжая первый раз алтайские перевалы, необходимо совершать подношения духам — хозяевам этих мест — повязывать особым образом ленточки белого цвета, так называемые *телема*, на ветви специально избранных для этого деревьев, обычно лиственниц. Видимо, мы делали всё правильно, так как утром в Язуле светило солнце, люди были приветливы... и наша работа началась.

В Язуле мы сделали много: общими усилиями были записаны различные жанры теленгитского фольклора — песни, легенды, предания, сказки, мифологические рассказы, детские страшилки, заклинания, сделаны сотни фотографий, несколько часов видео. Весь этот материал ещё ждёт своего обобщения и невозможно охарактеризовать его в короткой заметке. Здесь же я только кратко расскажу о наших посещениях священных мест Язулы. Большинство из них мы посетили вместе с лицеистом Игорем Гусевым и двумя местными ребятами, которые были нашими проводниками.

Вообще было интересно наблюдать за тем, как наши школьники общались с язулинскими сверстниками. И как ни странно это звучит, именно это

интересно не только зафиксировать само пение, но и пообщаться с исполнителями, узнать, как они осознают традицию *кай*, каков их путь к открытию в себе этого дара и т.д. Вечером мы разрабатывали общий опросник для беседы с каждым исполнителем. Ребята объединились по парам — брать своё первое интервью. Подготовили к работе технику — диктофоны, видеокамеры, фотоаппараты.

Для многих участников это была подготовка к самому первому выходу «в поле». Как начать разговор с неизвестным для тебя прежде человеком? Как сделать так, чтобы с тобой согласились поговорить?

Как вести разговор, чтобы услышать не формальные ответы, а развёрнутые рассуждения, воспоминания, мнения? Как уточнять вопросы? Как держать диктофон? Кого мы вообще услышим — пожилых или молодых? Много вопросов было у ребят к руководителям...

Ожидания были велики. И они более чем оправдались...

Итак, первый рабочий день в экспедиции. После завтрака мы пошли пешком в Улаган. Ребят поражала красота иной, неведомой ранее природы, они вдыхали особый воздух, насыщенный запахом трав Горного Алтая.

Добравшись до клуба в Улагане, мы расположились в зале, настроив всё наше оборудование. Начался курултай *кайчистов*.

Первое выступление ввело ребят в шок. Такое они слышали впервые. Как человек может издавать такие звуки, — этот вопрос заинтриговал наших ребят, вызвал неподдельный интерес к традиции горлового пения. После концерта ребята начали общаться с выступающими. Выглядело это довольно любопытно. По всему зданию клуба, на крыльце, в коридоре, в подсобных помещениях сидели и стояли группки по три человека — исполнитель *кай* и два московских школьника. В руках у одного был топшур (традиционный музыкальный инструмент, звуком которого сопровождается горловое пение), а у двух других — диктофон и тетрадь. *Кайчисты* были несколько удивлены, но и польщены вниманием. Наши ребята, включившись в живое общение, забыли про свои страхи и старались узнать побольше о горловом пении на Алтае и о самих *кайчистах*. Такой неподдельный интерес москвичей к алтайским исполнителям позволил провести вторую, незапланированную часть концерта, на которой уже специально для нас были продемонстрированы различные варианты исполнения *кай*.

Возвращались мы к месту стоянки на попутной машине. Ребята по дороге пытались, правда, довольно безуспешно, воспроизвести звуки горлового пения.

Подъехав к месту, мы обнаружили, что рядом с нами отдыхает вся милиция Улаганского района во главе со своим начальником. Они предложили нам дружеский волейбольный матч, который мы с радостью проиграли бравым ребятам-милиционерам. После игры сам начальник улаганской милиции исполнил нам *кай*, продемонстрировав тем самым, что горловое пение — живая традиция, носителями которой являются многие алтайцы. Вечером мы расшифровывали первые записи и провели первый «брифинг» — общее обсуждение того, кто что узнал, какие впечатления, какие трудности.

общение позволило нам, взрослым, увидеть многие сакральные объекты в округе Язулы, а именно — *Камдива* (кладбище шаманов), *Семь Озёр* (молённое место духу горы, главному хранителю деревни), пещера *абасы* (место обитания дикого человека, которого боятся даже шаманы), *Чёртов мост*, оленные камни (древние захоронения) — и услышать рассказы о них. Причин этому, на мой взгляд, как минимум, две. Первая — взрослым, занятым в эту пору на сенокосе, было некогда совершать с нами длинные прогулки. Вторая — для людей старшего поколения Язулы посещение священных мест «просто так» запрещено, а для молодёжи это ещё своеобразная игра, хотя, конечно, они соблюдают здесь основные правила поведения — не шуметь, ничего не трогать, совершать подношение духам-хозяевам. От нас они также требовали соблюдать эти правила. Но один раз я всё-таки решил их нарушить.

Это случилось на Камдиве. Возле самой дальней могилы (раньше у алтайцев практиковалось открытое захоронение умерших), в которой находились останки шамана и детали его костюма, метрах в десяти, на земле, лежала старая медная пластинка, вероятно, деталь от шаманского головного убора. Увидев, я решил её взять с собой в Москву. Но понимая, что необходимо «спросить» на это разрешение, решил несколько минут посидеть и понаблюдать за тем, что происходит вокруг. Всё было как обычно — светило солнышко, пели птицы. Подумав, что ничего страшного нет, взять можно, я положил пластинку в рюкзак. Но... не пройдя и тридцати метров, мы увидели, как из-за горы буквально на наших глазах выползла огромная чёрная туча, и услышали удар грома. Пластинку я оставил. А дождь после этого шёл два дня. И, по словам проводников, старики, узнав, что мы ходили на *Камдив*, были очень недовольны и говорили, что из-за нашего посещения этого места и идёт дождь. Но, может, это и случайность....

Уезжать мне нужно было раньше, чем основной группе. Именно поэтому вместе со всеми я не увидел Телецкого озера — жемчужины Горного Алтая... Но, надеюсь, удастся побывать ещё не только там, но и в степях Кож-Агача, увидеть Белокуриху и вновь вернуться в Язулу, возможно, опять же с экспедицией Лицея на Донской и ДНТТМ, чтобы пообщаться с нашими новыми друзьями и знакомыми.

Владимир Кляус,

доктор филологических наук, заведующий отделом
Института мировой литературы РАН

тесное общение с подростками позволило нам проникнуть в такие места, куда нас вряд ли бы отвели старшие по причине их запретности для посторонних. Тема священных мест, сакральной географии раскрылась во многом именно благодаря тому, что один из наших ребят — Игорь Гусев — настолько подружился со своими сверстниками из Язулы, что они его водили везде. *В-третьих*, в школе, где мы жили, во время нашего пребывания днём работала «детская площадка». На эту площадку собирались дети от 3 до 13 лет и с ними занимались две студентки-практикантки из педвуза Горно-Алтайска (обе родом из Язулы). Среди нас были студентки московского педвуза, и это содействовало тому, что мы смогли с детьми и девушками-язулинками много общаться. Девушки нам очень помогали в работе, понимая наши цели и задачи, так как они тоже проходили фольклорную практику. А с детьми нам удалось провести занятия, на которых они рисовали на различные темы («Мой мир», «Чужой мир», «Моя семья», «Моё будущее», «Любимая сказка» и др.), что стало отдельной темой исследования. Также вполне органично была зафиксирована детская субкультура теленгитов: игры, детский фольклор, общение мальчиков и девочек, общение старших детей и младших и т.д. *В-четвёртых*, вся жизнь в Язуле связана со скотоводством и охотой. Хозяйствование и образ жизни сохраняют высокую степень традиционности. Вся обиходная жизнь, дом (точнее, аил), его интерьер, питание, хозяйство — всё было вновинку для наших ребят. Таких домов московские школьники никогда не видели, такой еды никогда не пробовали, такими вещами не пользовались, а в таких местах — не бывали... Это позволило нашим ребятам естественно включиться в процесс исследования, так как им действительно ничего непонятно, всё приходится спрашивать и уточнять. Интерес не поддельный. Приходилось только чуть-чуть корректировать внимание начинающих исследователей к тем или иным проблемам, а также организовывать общение исследователей друг с другом, чтобы та или иная информация уточнялась, дополнялась. Здесь сохраняется высокая рождаемость, в селении много детей. Чётко прослеживается живая традиционная преемственность. Молодёжь соблюдает большинство нормативов, запретов, предписаний. Это, с одной стороны, не дало нам возможности за короткий срок глубоко погрузиться и понять особенности культуры теленгитов, но, с другой — позволило увидеть и понять живость традиционной культуры, её силу, её определённости.

Общий ритм жизни в Язуле таков. С утра — общий сбор для «ЦУ» (ценных указаний). Каждый день руководители обсуждали темы, на которые хорошо бы поговорить со своими собеседниками, на что обязательно обратить внимание, как лучше детализировать вопросы, вести беседу. Днём все расходились по селению или расшифровывали свои аудиозаписи. Вечером все вновь собирались на «брифинг» и каждая группа исследователей рассказывала друг другу, что они сегодня узнали. На этих общих встречах ребята осознавали, что нам раскрывается в понимании культуры, образа жизни и образа мысли теленгитов; корректировали исследовательские задачи.